
А.Ф. Лосев о гётевском учении о цвете, трагедии «Фауст» и романе «Страдания юного Вертера»*

© 2019 г. Е.А. Тахо-Годи

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, 119991,
Ленинские горы, д. 1, 1-й учебный корпус; Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН, Москва, 121069, ул. Поварская, д. 25а; Библиотека истории
русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Москва, 119002, ул. Арбат, д. 33.

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Поступила 12.02.2019

В статье впервые осмысляются прежде неизвестные тезисы А.Ф. Лосева, написанные в Беломорско-Балтийском лагере в 1933 г. и рассматривающие три гётевских текста – трактат «К учению о цвете», трагедию «Фауст» и роман «Страдания юного Вертера». Выясняется связь тезисов с культурной морфологией О. Шпенглера, с воззрениями А.Ф. Лосева на задачи феноменолого-диалектического метода и его учением о художественном стиле. Новые материалы анализируются с учетом лосевских высказываний о Гёте разных лет. Это и суждения 1920-х гг., зафиксированные в его докладе «Диалектика в немецкой эстетике XVIII в.», прочитанном в ГАХН, в книгах «Диалектика художественной формы», «Музыка как предмет логики», «Диалектика мифа». Привлекаются к рассмотрению и лосевские работы 1970-х гг. («Конспект лекций по истории эстетики Нового времени», «Проблема символа и реалистическое искусство», «Теория художественного стиля», «Проблема вариативного функционирования поэтического языка»). Одновременно тезисы 1933 г. соотносятся и с художественной прозой А.Ф. Лосева, создававшейся в лагерном заключении (рассказ «Из разговоров на Беломорстрое»). Выдвигается гипотеза, что в литературном тексте нашли художественное воплощение не только философские идеи, но и реальная лагерная интеллектуальная жизнь, свидетельства о которой сохранились в мемуарах современников (Н.П. Анциферова, Д.С. Лихачева). В связи с этим поднимается вопрос о возможной связи тезисов с работами других заключенных Белбалтлага, инспирированных памятной датой – отмечавшимся в 1932 г. 100-летием кончины Гёте: философов А.А. Мейера («Размышления при чтении “Фауста”», «Цвет у Гёте») и А.К. Горского («“Света, больше света!” К столетию смерти Гёте»).

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, И.В. Гёте, цвет, свет, феноменология, эстетика, художественный стиль, «Фауст», Вертер.

DOI: 10.31857/S004287440006328-5

Цитирование: Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев о гётевском учении о цвете, трагедии «Фауст» и романе «Вертер» // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 162–172.

---

* Публикация подготовлена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

Alexey F. Losev on Goethe's Theory of Colors, the Tragedy "Faust" and the Novel "The Sorrows of Young Werther"*

© 2019 г. Elena A. Takho-Godi

Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation; Library of the History of Russian Philosophy and Culture "A.F. Losev House", 33, Arbat str., Moscow, 119002, Russian Federation.

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Received 12.02.2019

The paper is the first one to consider previously unknown A.F. Losev's ideas articulated in 1933 during his term at White Sea – Baltic Canal labor camp on three J.W. Goethe's works: the treatise on color, the tragic play "Faust" and the novel "The Sorrows of Young Werther". The author discovers the connection of A.F. Losev's ideas with O. Schpengler's cultural morphology, philosopher's own thoughts on the problems of phenomenological dialectical method and his teaching on literary style. New material is analyzed with regard to A.F. Losev's commentary on Goethe of various years. This includes A.F. Losev's 1920s views that were articulated in his lecture delivered in the State Academy of Artistic Sciences, as well as in his works "The Dialectics of the Artistic Form", "Music as a subject of logic", "The Dialectics of Myth". A.F. Losev's 1970s works are also considered ("Lectures on the History of Early Modern Aesthetics", "The Problem of Symbol and the Realistic Art", "Theory of Literary Style", "The Problem of Variative Functioning of the Poetic Language"). The ideas of 1933 are also relevant to A.F. Losev's fictional prose that he wrote during his labor camp sentence (the novel "From conversations in Belomorstroy"). The paper posits that the literary text artistically embodies not only philosophical ideas, but also the real labor camp life, which also survived in the memories of A.F. Losev's contemporaries like N.P. Antsiferov and D.S. Likhachyov. Thus, the question is raised concerning the possible connection between A.F. Losev's ideas and works of other White Sea – Baltic Canal labor camp prisoners, which were inspired by the memorable date of Goethe's 100 years of death in 1932. Among them are philosophers A.A. Meyer ("Thoughts on reading Faust, Goethe's perception of color") and A.K. Gorsky ("Light, more light! On Goethe's 100 years of death").

Key words: A.F. Losev, J.W. Goethe, color, light, morphology, phenomenology, aesthetics, artistic style, "Faust", Werther.

DOI: 10.31857/S004287440006328-5

Citation: Takho-Godi, Elena A. "Alexey F. Losev on Goethe's Theory of Colors, the Tragedy 'Faust' and the Novel 'The Sorrows of Young Werther'", *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2019), pp. 162–172.

Интерес А.Ф. Лосева к научному и художественному творчеству И.В. Гёте – тема на сегодняшний день очевидная. В ее артикуляцию и интерпретацию внес особый вклад А.Л. Доброхотов¹, чьи исследования лосевского восприятия Гёте, будем надеяться, еще будут продолжены. Вводимые нами впервые в научный оборот два новых

---

*The publication was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432).

лосевских текста о Гёте — «Учение Гёте о цветах» и «Замечания о “Вертере” Гёте», — с нашей точки зрения, придают новый и достаточно неожиданный ракурс этой проблеме.

Прежде всего, обращает на себя внимание время создания публикуемых текстов: они вписаны зелеными чернилами в 48-листовую общую тетрадь летом 1933 г. — А.Ф. Лосев по-прежнему находится в исправительно-трудовом лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала, но перед грядущим осенью освобождением уже получает статус вольнонаемного, а вместе с тем возможность писать. Эта ситуация придает обращению к наследию Гёте особое значение: очевидно, что человек, проведенный в заключении три года, обретая возможность для более или менее свободных занятий, несомненно, в первую очередь возьмется за темы, ему наиболее внутренне близкие.

Действительно, тезисы «Учения Гёте о цветах» теснейшим образом связаны с тем, над чем А.Ф. Лосев работал в конце 1920-х годов. Достаточно напомнить о разделе, посвященном учению о цвете у Гёте в «Диалектике мифа», послужившей поводом к аресту мыслителя. Здесь гётевское учение о цвете было сопряжено с выяснением мифологии цветовых восприятий и разбиралось наряду с другими аналогичными попытками описать восприятие цвета и света — у П.А. Флоренского и в наблюдениях Андрея Белого, касающихся зрительного восприятия природы в поэзии Пушкина, Боратынского и Тютчева (кстати сказать, Тютчев также находится в поле зрения вольнонаемного строителя Беломорско-Балтийского канала — наброски тезисов о Тютчеве еще предстоит расшифровать и проанализировать).

Однако лагерные тезисы о Гёте отнюдь не являются простым повторением или пересказом того, что уже имелось в «Диалектике мифа».

Выделим, по крайней мере, несколько новых векторов в ходе мысли философа.

Во-первых, он рассматривает учение Гёте о цветах с точки зрения «физиономической философии», что заставляет вспомнить о суждениях по поводу «физиономического метода» О. Шпенглера и его связи с традицией Винкельмана — Гёте — Гегеля — Ницше на страницах «Очерков античного символизма и мифологии» [Лосев 2013, 78, 81–82], а также о более ранних из «Музыки как предмете логики», где автор, говоря о собственных наблюдениях над «цветностью» звука, прямо заявлял: «Примерами блестящего феноменологического анализа зрительных явлений отличается сочинение Гёте “Учение о цветах”» [Лосев 1995, 599]. В 1970-е гг. в «Конспекте лекций по истории эстетики Нового времени» Алексей Федорович скажет, что у Гёте дана «резко очерченная и жизненно пульсирующая морфология всего бытия» [Лосев 2003, 364].

Во-вторых, Лосев дает более подробное, нежели в «Диалектике мифа», изложение истории создания самого гётевского трактата о цветах, а если точнее — его философских и научно-теоретических предпосылок и корней, выявляя связь учения Гёте с воззрениями Бруно, Спинозы, Лейбница, Гердера, Гамана, Зулцера, Канта и останавливаясь на борьбе Гёте с Ньютоном и Декартом. Это заставляет вспомнить о «Диалектике художественной формы», где более пространно анализируется восприятие Гёте идеей примерно того же круга мыслителей: Бруно, Спинозы, Гердера, Канта, а также Руссо (в связи с «Вертером») и далее Шиллера [Лосев 1995, 228–230].

Сопоставление с Ньютоном и параллелизм воззрений Гёте с современной феноменологией заставляют вспомнить о докладе С.Л. Франка «Роль искусства в позитивных науках», прочитанном в РАХН (ГАХН) на Пленарном ученом заседании Научно-художественной комиссии по Физико-психологическому отделению 30 августа 1921 г. В нем С.Л. Франк, в частности, говорил: «Укажу на знаменитую теорию цветов Гёте и на знаменитый спор между Ньютоном и Гёте. Ньютон считал цвета разложение[м] света, а Гёте — комбинарованием света с тенью; Ньютон был прав, а Гёте ошибался, но для иллюстрации моей темы все равно — верна его теория или нет. Я думаю, что в будущем будет установлено, что они интересовались разными вещами, что ньютоновская теория цветов есть теория условных цветов, теория тех закономерностей, которые лежат в основе, а гётевская теория есть феноменология цвета, есть природа цвета самого, и если с этой точки зрения подойти к теории Гёте, то она не противоречит ньютоновской теории, как думал и сам Гёте» [Искусство как язык 2017, 179]. Мог ли А.Ф. Лосев присутствовать на этом выступлении? Не исключено, хотя действительным членом ГАХН он стал лишь 164

в 1923 г. Но, конечно, А.Ф. Лосев мог читать публиковавшиеся до этого статьи С.Л. Франка о Гёте, в том числе «Из этюдов о Гёте. Гносеология Гёте» [Франк 1910]².

В-третьих, А.Ф. Лосев особо подчеркивает свойственные мироощущению Гёте индивидуалистическую физиогномику и всеобъемлющий пантеизм, придающие особую внутреннюю глубину и перспективу его восприятию бытия как необъятной животрепещущей океанской бездны. Это опять-таки перекликается с суждениями из «Диалектики художественной формы», где А.Ф. Лосев подчеркивал важность для диалектики работ Гёте, в которых «...устанавливались некоторые весьма важные феноменологические категории (напр., целого и части, совершенства как функции бесконечного в конечном, интеллектуально-оптического первообраза и подражания ему всего сущего и пр.), результатом чего было трактование искусства и природы как живой интеллектуальной мощи, созерцаемой в законченных формах» [Лосев 1995, 230].

Далее, для А.Ф. Лосева оказывается принципиально важным подчеркнуть объективность и описательность гётевского подхода к цвету именно потому, что изучение и унификация зрительных явлений позволяет Гёте сделать шаг от констатации фактов к пониманию их символического значения. Как считает А.Ф. Лосев, для Гёте «свет — физическая воплощенность идеи», «физическое *тело* идеи». Именно это — соотношение идеи и материи — позволяет А.Ф. Лосеву провести параллель между Гёте и Шеллингом. В «Диалектике художественной формы», говоря о синтетизме «Системы трансцендентального идеализма» Шеллинга, А.Ф. Лосев заметит, что «“Система” Шеллинга есть, конечно, спинозизм Гёте, но она отличается от него диалектическим выведением всех категорий» [Там же 230, 244]. Еще раньше эти же идеи были озвучены А.Ф. Лосевым в докладе «Диалектика в немецкой эстетике XVIII в.», прочитанном на заседании Комиссии по изучению истории эстетических учений при Философском отделении ГАХН в октябре 1925 г. Там он говорил, что «...подлинным опытным основанием для эстетики 90-х годов и ее диалектики являлись некоторые литературные настроения предыдущих десятилетий, главным образом гёте-шиллеровский платонизм с кантианскими привнесениями и гётевский мистический спинозизм» [Лосев 2017, 694], и что «...результатом всех этих тенденций, приведших прежде диалектическое фикштеанство к диалектически-романтической эстетике Шеллинга и реформировавших кантианствующий и спинозирующий классицизм Шиллера и Гёте к мистической диалектике “философии тождества”, является “Система трансцендентального идеализма” (1800), оказавшаяся настолько же завершительным моментом для всей диалектики 90-х г[одов], насколько и развитием и систематизацией всех таившихся в ней смысловых возможностей» [Лосев 2017, 695]. Однако, в отличие от «Диалектики художественной формы» в тезисах 1933 г., Лосев не проводит явного сопоставления Гёте, Шеллинга и платонизма — от Платона до Плотина (ср.: [Лосев 1995, 253]).

Гётевский анализ перехода света в цвет привлекает А.Ф. Лосева не только как мастерская характеристика основных цветов спектра (особо он восхищается глубиной рисуемой Гёте «физиогномики», что в данном контексте синонимично «мифологии», синего цвета). Для него чрезвычайно интересно вместе с Гёте следить за тем, как «идея пробивает себе путь через инобытие».

В отличие от «Диалектики мифа» Лосев обращает внимание и на воплощение учения о цвете в собственном гётевском литературном творчестве. В лосевском контексте немало отсылок к литературным примерам: он вспоминает «Божественную комедию» Данте, образ «голубого цветка» у Новалиса, стихи Ф. Тютчева и Вяч. Иванова. Но они носят скорее «иллюстративный» характер. За разбор трагедии «Фауст»³ Лосев берется с иной целью — он хочет показать, какие «световые и цветовые интуиции» лежат в глубине гётевского «философского и поэтического мироощущения» и как они воплощаются в художественном творчестве.

Это, явно, новый шаг и в сравнении с «Диалектикой художественной формы», где философ, хотя и отдает Гёте-поэту пальму диалектического первенства (в сопоставлении с Гёте-мыслителем), тем не менее предпочитает примеры из лирики, из драмы «Прометей» в переводе М. Михайлова [Лосев 1995, 226–228], но не из «Фауста», который для него кажется более «общеизвестным» [Лосев 1995, 226].

Для позднего Лосева, в 1970-е гг., в период создания работ «Конспекта лекций по истории эстетики Нового времени», «Теории художественного стиля», «Проблемы вариативного функционирования поэтического языка», гётевский «Фауст» — это одно из трех величайших созданий мировой литературы, наряду с «Божественной Комедией» Данте и «Кольцом нибелунга» Р. Вагнера, в которых дана «мифолого-космологическая картина мира» [Лосев 2019, 435]. Теперь «Фауст» для А.Ф. Лосева также являет «глубокое понимание *судеб европейской культуры Нового времени*» [Лосев 2003, 364]. В тезисах 1933 г. его интересует только один аспект в гётевской трагедии — «интерпретация общего ощущения жизни, личной и мировой», данная как «*оптически-символическая символика жизни*». Прделанный анализ позволяет ему прийти к выводу, что для Гёте «...*бытие — живая огненная влага, в которой мы плывем, как в безбрежном океане*», что на этих «волнах» бытия, на этих «мрачно и светло-огненных тучах бытия», как в самой гётевской трагедии, «...вдруг всплывают вечные и чеканные образы, как бы сделанные из того же живого подвижного огня».

Так что не случайно в финале тезисов о цвете вдруг появляется, на первый взгляд, не имеющая прямого отношения к теме, схема соотнесений субъективного духа, объективного духа и абсолютного духа. Судя по этой схеме, для А.Ф. Лосева литература, художественное творчество лишь одна из ступеней и степеней воплощения Абсолютного духа в цепочке «искусство — моральная жизнь — философия — мифология — религия».

Что касается первых двух пунктов этой схемы — субъективного духа и объективного духа, предполагающего экономическую жизнь, политическую жизнь и государство, — то они являются своего рода «прелюдией» к следующим тезисам, напрямую связанным с еще одним знаменитым художественным текстом Гёте — с его романом «Страдания юного Вертера».

Эти, казалось бы, излишне социологизированные тезисы, чрезвычайно важны для понимания, во-первых, лосевского учения о романтизме (а не только о «дворянстве», о котором в них так много говорится) как особого рода иллюзионизме, «духовном приключенчестве», что позволяет увидеть их внутреннюю связь с другой работой, написанной в начале 1940-х гг. и лишь на первый взгляд имеющей отношение исключительно к математике. Я имею в виду работу «Некоторые элементарные размышления к вопросу о логических основах исчисления бесконечно-малых» [Лосев 1997], где как раз дается достаточно подробный анализ того, что Лосев понимает под романтизмом (эта связь, кстати, вполне очевидна, когда, обращаясь к «Вертеру», он заговаривает о том, как «...бесконечное, неоформленное, инфинитезимальное бытие человек хочет вместить в своем субъекте»).

Во-вторых, чрезвычайно важно акцентировать внимание на том, что гётевский Вертер рассматривается А.Ф. Лосевым не просто как литературный персонаж, но как культурный тип. Трудно при этом не провести параллель с О. Шпенглером и его идеей фаустовского культурного типа и фаустовской культурной эпохи. Благодаря этому устанавливается еще одна связь с первыми тезисами о цвете у Гёте: ведь и учение о цвете оценивалось как имеющее особое значение для феноменолого-диалектического подхода, который в «Очерках античного символизма и мифологии» выстраивался как раз на фоне расподобления с морфологическим подходом О. Шпенглера. Вот почему для Лосева несомненно, что Вертер не просто молодой влюбленный юноша последней четверти XVIII столетия, но что он один из «вечных спутников», ибо «...Вертер — там, где борьба идеи и факта, — точнее, где борьба иллюзии и факта».

При этом лосевские рассуждения о том, что «Вертеры — в любом строе возможны» и о том, что не просто «революционность» или какой-либо протест против «буржуазной действительности», индивидуалистический пантеизм и столкновение иллюзионизма с реальностью приводят героя к самоубийству, что такое столкновение возможно в любую эпоху и всегда чревато преступлением и трагедией («Осуществление иллюзионизма на факте есть Смерть (убийство или самоубийство)»), чрезвычайно важны для понимания сюжетных ходов собственной лосевской прозы, к созданию которой философ обратился практически в то же лагерное время — в 1932–1933 гг. Не отсюда ли бесчисленные катастрофы и убийства, которые переживают его

собственные герои? Но это — отдельная тема, заслуживающая самостоятельного изучения. Отмечу только, что следы лагерных раздумий над Гёте отразились в лосевской прозе и самым буквальным образом. Напомню эпизод, когда в рассказе «Из разговоров на Беломорстрое» главный герой, alter ego самого автора, философ Николай Вершинин после бурной дискуссии о судьбах социализма и технического прогресса вдруг бросается за только что полученным на Медвежьей Горе томом сочинений Гёте и цитирует своим собеседникам стихотворение «Одно и всё» [Лосев 2002, 482]. На что Абрамов — персонаж, выражающий в рассказе точку зрения марксистов, — напоминает, что Гёте был масоном и что «...не стоило вам для иллюстрации моих взглядов декламировать Гете» [Лосев 2002, 485].

Этот художественный эпизод не только фиксирует доступность в лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала первого тома («Лирика») Собрания сочинений Гёте, выпущенного в свет в 1932 г. [Гете 1932–1949] (что уже было отмечено в комментариях при публикации текста [Лосев 2002, 573]), но и отражает какие-то не вполне теперь для нас очевидные лагерные реалии. Благодаря воспоминаниям Н.П. Анциферова, мы знаем, что на Медвежьей Горе А.Ф. Лосев читал краткий курс по истории материализма, где показывал, что «...представление о материи все больше сливается с представлением об энергии» [Анциферов 1992, 385]. Оттуда же известно, что существовал кружок «друзей книги», на котором заключенные делали доклады [Анциферов 1992, 385]. Находясь на Медвежке, друг А.Ф. Лосева, философ А.А. Мейер (1874–1939) «...писал большое исследование о “Фаусте” Гете» [Анциферов 1992, 386] — «Размышления при чтении “Фауста”» [Мейер 1982, 235–376]. Как известно из воспоминаний Д.С. Лихачева, над «Фаустом» А.А. Мейер начал размышлять уже на Соловках [Лихачев 1995, 227] (в издании его сочинений исследование о «Фаусте» датируется 1935-м — годом завершения работы [Мейер 1982, 376]). При этом в утраченное Приложение к исследованию входили два экскурса — «Звон в “Фаусте”» и «Цвет у Гёте» (о чем известно из Предисловия к работе жены Мейера К.А. Половцевой) [Там же, 236].

Последнее чрезвычайно интересно, так как этот экскурс мог напрямую перекликаться с тезисами А.Ф. Лосева, учитывая возникшее как раз на Медвежке глубокое взаимопонимание Лосева и Мейера, о чем свидетельствует их переписка второй половины 1930-х гг. [Вопросы философии 2007]. А кроме того, А.А. Мейер ссылается и на лосевскую оценку Фауста как «чистейшего представителя этого вечно мятущегося и алогически становящегося процесса идеи — личности», данную в «Диалектике художественной формы» [Мейер 1982, 255; Лосев 1995, 248]. Экскурс «Цвет у Гёте» А.А. Мейер писал уже после освобождения в 1935 г., в Калязине, читая Гёте и заинтересовавшись научной теорией цвета [Мейер 1982, 21]. В «Мыслях про себя», написанных в 1937 г. в том же Калязине, явны переклички с лосевскими воззрениями на стиль, а также влияние на него мироощущения автора, в том числе и его зрительного и акустического восприятия: «Личность (если можно так выразиться) имеет свою графику, свою цветопись, свой мелос, — присутствующие в самых различных стилях и школах, в творчестве самых различных по всем своим устремлениям авторов, — и отличающиеся существенным образом от графики, мелоса и пластики безличного» [Мейер 1982, 424].

Упомянутый в мемуарах Н.П. Анциферова о Медвежке [Анциферов 1992, 377–379] последователь Н.Н. Федорова, философ и поэт А.К. Горский, с которым Лосев общался в лагере в 1932 г. (он фигурирует в письме В.М. Лосевой в июле 1932 г. [Лосев, Лосева 2005, 124]), заведующий лагерной библиотекой в Кеми, как раз в 1932 г. пишет работу о Гёте «“Света, больше света!” К столетию смерти Гете» [Горский 2018, II, 78–92]. Открывается она чрезвычайно броским и значимым пассажем: «Тридцатые годы двадцатого столетия вправе требовать таких высказываний о Гете, какие не приходили и не могли прийти в голову ни одному из предыдущих десятилетий» [Горский 2018, II, 78].

Так что с большой долей уверенности можно предположить, что публикуемые тезисы не только записывались на бумагу, но и артикулировались вслух в привычной для А.Ф. Лосева форме научных докладов и что проходило их обсуждение. Подтверждением этому служит и сохранившийся в той же тетради отдельный вырванный тетрадный листок в линейку, на одном обороте которого начато следующее заявление:

Лосева Алексея Федоровича,
бывшего профессора Московской
Государственной Консерватории
и 2-го Московского
Государственного Университета.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 3/IX—1931 г. я был осужден на 10 лет концлагеря и ровно через год постановлением той же Коллегии

На другой стороне этого же листка набросаны карандашом тезисы, но это уже явно не подготовительные материалы, а следы дискуссии по докладу о цвете у Гёте, так как в записях фигурируют подчеркнутые фамилии, имена и отчества, явно не имеющие никакого иного отношения к проблеме:

Напоминает спиритизм и
теософские построения.

Попов

Представление разное
на Западе и Востоке

Ключик

Что такое свет?

I Объяснить цвет из цвета нельзя

Интуитивные навыки у ребенка

Цвет есть вещественное формули-
рование свет[а]

II Красный цвет не имеет социоло-
гического значения

III Цвет — относительная характеристика

IV Воскрешать Гёте нельзя

Вертер — Вересаев — Сергеев <?>

1. Чисто эстетическая точка зрения

Василий Герасимович

Эстетическое

Отсутствие критики

Свет и тяжесть

Одного из слушателей лосевского выступления мы можем идентифицировать. Судя по всему, замечание о том, что о свете и цвете «представление разное на Западе и Востоке» было высказано востоковедом, китаистом и японистом профессором Николаем Михайловичем Поповым-Тативой (1883—1937), отбывавшем в это время свой срок на Медвежке и выступавшем там с докладами, например с докладом «Сунь Ятсен и тайные общества в Китае его времени» [Анциферов 1992, 386].

Особому вниманию к Гёте в это время, помимо личного лосевского интереса или интереса его коллег по заключению, скорее всего, способствовала и недавняя годовщина — 100-летие со дня кончины немецкого мыслителя, активно отмечавшаяся в 1932 г. в СССР [Бухарин 1932; Динамов 1932; Гете 1932⁶]. Именно к этой дате был приурочен выход первых двух томов юбилейного Собрания сочинений, о котором шла речь выше [Гете 1932—1949].

Однако отсылки к Гёте, в первую очередь к его учению о цвете, не останутся для Лосева исключительно достоянием 1920—1930-х гг. В 1970-е гг. он обратится к нему снова в книге «Проблема символа и реалистическое искусство», чтобы с его помощью нагляднее продемонстрировать, что же такое символ:

Символ есть арена встречи обозначаемого и обозначающего, которые не имеют ничего общего между собою, но в то же самое время он есть сигнификация вещи, в которой отождествляется то, что по своему непосредственному содержанию не имеет ничего общего между собой, а именно — символизирующее и символизируемое. Этим путем намеченная у нас в начале идейная образность символа приобретает теперь еще большую конкретность.

Чтобы иллюстрировать эту удивительную специфику обозначения, не сводимую ни к каким другим актам сознания, мы приведем то, что Гете говорит о разных цветах. Именно то, что приписывается Гете разным цветам, и не субъективно, потому что объективные цвета мы ощущаем именно такими,

и не объективно, потому что для такой объективности трудно подыскать соответствующий материальный субстрат. Все это есть именно сфера значения, которая и не есть субъект со всеми своими специфически субъективными знаками, и не объект со всеми своими физическими свойствами [Лосев 2014, 72–73].

И далее:

Правда, обывательское сознание, которое ничего не знает, кроме субъекта и объекта, назовет эти характеристики цветов у Гете только субъективными особенностями чувственного восприятия самого Гете. Однако уже одно то, что здесь будет говориться о субъективных особенностях, указывает на то, что цвет характеризуется здесь не просто сам по себе, но как нечто специфически окрашенное; и эта специфика дается здесь прежде всего как нечто мысленно воспринимаемое, то есть как своя особая предметность, как тетическая предметность. Но разве можно миновать в этих характеристиках то, что мы выше называли объективирующим актом? Ведь все эти цветовые свойства Гете, конечно, мыслит как объективно существующее. То же самое мы должны сказать и о других указанных у нас выше актах, или, вернее сказать, предварительных актах полагания и особенно о сигнификативном акте. В том, что все эти цвета у Гете как-то обозначены и в своей обозначенности выделены, в этом уже никто сомневаться не может. А эта выделенная и строго обозначенная предметность цвета и есть результат того, что мы выше назвали сигнификацией [Лосев 2014, 74].

При этом А.Ф. Лосев ограничится примерами лишь трех цветов: желтого, синего и зеленого [Лосев 2014, 73–74].

В предназначавшейся в качестве приложения к книге объемной библиографии «История и теория символа», отвергнутой издательством в 1976 г. и увидевшей свет лишь в 2014 г., А.Ф. Лосев выделит параграф, посвященный непосредственно работам о символе у Гёте [Лосев 2014, 569–571], и параграфы «Свет и тьма», «Свет и цвет» [Лосев 2014, 442–452], куда включит в том числе и следующее упоминание о Гёте:

Гёте И.В. К учению о цвете (хроматика) // Избранные сочинения по естествознанию / Пер. и комм. И.И. Канаева; ред. ак. Е.Н. Павловского. 1957. С. 311–329. (Шестой раздел «Чувственно-нравственное действие цветов». См., напр., с. 312: «Цвета положительной стороны суть желтый, красно-желтый (оранжевый), желто-красный (сурик, киноварь). Они вызывают бодрое, живое, деятельное настроение». С. 314: «Незначительное и незаметное смещение превращает прекрасное впечатление огня и золота в гадливое, и цвет почета и благородства оборачивается в цвет позора, отвращения и неудовольствия. Так могли возникнуть желтые шляпы несостоятельных должников, желтые кольца на плащах евреев, и даже так называемый цвет рогоносцев является, в сущности, только грязным желтым цветом». С. 315: «Цвета отрицательной стороны – это синий, красно-синий и сине-красный. Они вызывают беспокойное, мягкое и тоскливое настроение». С. 323–326 – о значимости характерных сочетаний; с. 325: «...желтый и зеленый в сочетании всегда имеют что-то пошло-веселое, а синий и зеленый – даже пошло-противное, поэтому наши добрые предки называли это последнее сочетание дурацким цветом»; с. 326–329 – об отношении к цветам морей различных наций, возрастов и положений.) Имеется и более ранний перевод В.О. Лихтенштадта: Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Пб., 1920. С. 240–252 [Лосев 2014, 445–446].

Именно на этот перевод фрагментов из гётевского трактата о цвете, выполненный В.О. Лихтенштадтом, А.Ф. Лосев опирался в «Диалектике художественной формы» [Лосев 1995, 229–230], в «Музыке как предмете логики» [Лосев 1995, 599] и в «Диалектике мифа» («Все эти цитаты взяты из Гете (В.О. Лихтенштадт. Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Петерб., 1920, <с.> 240–247» [Лосев 2001, 73]). Вероятнее всего, что он учитывал его и в 1933 г., когда готовил свои тезисы о Гёте.

В работе «Теории художественного стиля», также относящейся к 1970-м гг. говорится о проблеме цвета в связи с теорией абстракции (хотя и без упоминания имени Гёте) [Лосев 2019, 180]. Она также учитывается в лосевской теории первичных моделей, конструирующих художественный стиль, а именно в параграфе «Модели из неорганической природы»: «Отдельные свойства неорганической природы тоже весьма действенны в истории литературы в смысле первичных моделей. Свет и его лучи воспеваются решительно во всей мировой литературе. Цвета, звуки, запахи, предметы тактильных и двигательных ощущений тоже очень часты. Опять-таки, у Гете море покрывается волнами с цветными хребтами» [Лосев 2019, 244]. Приведенный пример, отсылающий нас ко второй части «Фауста», одновременно заставляет вспомнить, что и в тезисах о Гёте А.Ф. Лосев обращал на это место особое внимание («Зеленые волны / С пурпурными гребнями»), выявляя «оптически-символическую символику жизни» у Гёте, т.е. иными словами моделирующую роль цвета и света в его художественном стиле, в том числе и в «Фаусте». Примечательно, что, как и в «Диалектике мифа», по соседству с Гёте в этом же параграфе вновь появляются ссылки на Андрея Белого и его анализ восприятия зрительных образов. Это помогает увидеть «незримое присутствие» Гёте и его учения о цвете и в параграфе «Символично-мифологическая колористика» в статье 1977 г. «Проблема вариативного функционирования поэтического языка», где также даются ссылки на работу Андрея Белого «о словесно-живописном изображении природы в поэзии Пушкина, Баратынского и Тютчева» [Лосев 2019, 435], тем более что в предшествующем параграфе «Субъективно-объективная структура мифа на основе космологических обобщений» гётевский «Фауст» приводится как пример произведения, где мифология достигает своей максимальной обобщенности и где даются изображения натурфилософского и космологического характера [Лосев 2019, 435]. Правда, как замечает Лосев, «...поскольку свет и цвет являются важнейшими элементами живописности в литературе», часто бывает трудно отделить метафорическую и символическую колористику от колористики символично-мифологической [Лосев 2019, 435].

Как очевидно, публикуемые тезисы заставляют задуматься над целым спектром самых разнообразных проблем, которые, как и проблему художественного воплощения философских идей в литературном тексте, мы затронули в нашей вступительной статье лишь в самом общем плане.

Примечания

¹ Из многочисленных публикаций А.Л. Доброхотова укажем лишь несколько: [Dobrokhotov 2011, 38–40; Доброхотов 2016^a; Доброхотов 2016^b; Доброхотов 2017; Dobrokhotov 2018]. См. также: [Тахо-Годи 1999].

² В библиографии по теме символа (1970-е гг.), предназначавшейся для книги «Проблема символа и реалистическое искусство», А.Ф. Лосев ссылается на работу С.Л. Франка «О сущности художественного познания (Гносеология Гете)» (1914) в связи с учением Гёте о «первоявлении» (Urphänomen) [Лосев 2014, 569], которое он затрагивал и в «Диалектике художественной формы» [Лосев 1995, 247].

³ А.Ф. Лосев предпочитает при этом классический перевод Н.А. Холодковского, хотя как раз в 1932 г. появилось новое издание: [Гете 1932^a].

Источнику – Primary Sources in Russian

Анциферов 1992 – Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. Добкина А.И. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992 [Antsiferov, Nikolay P., *From thoughts of the past: Memories* (in Russian)].

Бухарин 1932 – Бухарин Н.И. Гете и его историческое значение: Речь, читанная в Торжественном заседании Академии наук СССР, посвященном 100-летию со дня смерти Гёте. Л.: АН СССР, 1932 [Bukharin, Nikolai I., *Goethe and his historical significance: The Speech read at the ceremonial meeting of the Academy of Sciences USSR, on the occasion of Goethe's 100 Death Anniversary* (in Russian)].

Вопросы философии 2007 – Вопросы философии: Переписка А.Ф. Лосева и А.А. Мейера // В.П. Троицкий. Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева. М.: Аграф, 2007. С. 335–359 [Problems of philosophy: the Correspondence of A.F. Losev and A.A. Meyer (in Russian)].

Гете 1920 – Гете: Борьба за реалистическое мировоззрение. Искания и достижения в области изучения природы и теории познания / Перевод и комм. Лихтенштадта В.О. Ред. и предисл. Богданова А. М.—П.: Государственное издательство, 1920 [Goethe, Johann W., Collected Works: the Struggle for a realistic worldview. Searches and achievements in the study of nature and theory of knowledge (Russian translation 1920)].

Гете 1932^a – *Гете И.В.* Фауст. Ч. 1 / Пер. Брюсова В.Я. Вступ. статьи Когана П.С. и Габричевского А.Г. М.; Л.: ГИХЛ, 1932 [Goethe, Johann W., *Faust* (Russian translation 1932)].

Гете 1932^b – Гете, 1832–1932: Доклады, прочитанные на торжественных заседаниях в память Гете. 26 и 30 марта 1932 г. / Ред. Деборин А.М. Л.: АН СССР, 1932 [Goethe, 1832–1932: Reports read at the ceremonial meetings in memory of Goethe. 26 and 30 March 1932 (in Russian)].

Гете 1932–1949 – *Гете И.В.* Собрание сочинений: В 13 т.: юбилейное издание / Под общ. ред. Луначарского А.В., Розанова М.Н.; вступ. ст. Луначарского А.В. М.; Л.: ГИХЛ, 1932 – 1949 [Goethe, Johann W., Collected Works (Russian translation 1932–1949)].

Горский 2018 – *Горский А.К.* Сочинения и письма: В 2 кн. / Вст.ст., подгот. текста, комм. Гачевой А.Г. М.: ИМЛИ РАН, 2018 [Gorsky, Aleksandr K., Essays and letters (in Russian)].

Динамов 1932 – *Динамов С.С.* Гете и современный капитализм. М.; Л.: ГИХЛ, 1932 [Dynamov, Sergei S., *Goethe and modern capitalism* (in Russian)].

Лихачев 1995 – *Лихачев Д.С.* Воспоминания. СПб.: Logos, 1995 [Likhachev, Dmitry S., *Memoires* (in Russian)].

Лосев 1995 – *Лосев А.Ф.* Форма. Стиль. Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1995 [Losev, Aleksei F., *Form. Style. Expression* (in Russian)].

Лосев 1997 – *Лосев А.Ф.* Некоторые элементарные размышления к вопросу о логических основах исчисления бесконечно-малых // А.Ф. Лосев. Хаос и структура. М.: Мысль, 1997. С. 735–741 [Losev, Aleksei F., *Some elementary reflections on the question of the logical foundations of infinitesimal calculus* (in Russian)].

Лосев 2001 – *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» / Сост., подгот. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; предисл. А.А. Тахо-Годи; примеч. В.П. Троицкого М.: Мысль, 2001 [Losev, Aleksei F. (2001), *The Dialectics of Myth. Supplement to “The Dialectics of Myth”* (in Russian)].

Лосев 2002 – *Лосев А.Ф.* «Я сослан в XX век...»: В 2 тт. / Под ред. А.А. Тахо-Годи; сост. и коммент. А.А. Тахо-Годи., Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; предисл. Е.А. Тахо-Годи Т. 1. М.: Время, 2002. [Losev, Aleksei F., *“I am exiled to the XXth century...”* (in Russian)].

Лосев 2003 – *Лосев А.Ф.* Конспект лекций по истории эстетики Нового времени // А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий. А.Ф. Лосев – философ и писатель: к 110-летию со дня рождения. М.: Наука, 2003. С. 346–377 [Losev, Aleksei F., *Lecture Notes on the history of aesthetics of the Modern Period* (in Russian)].

Лосев 2013 – *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Академический проект, 2013 [Losev, Aleksei F., *Essays on Classical Symbolism and Mythology* (in Russian)].

Лосев 2014 – *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Русский мир, 2014 [Losev, Aleksei F., *The problem of symbol and realistic art* (in Russian)].

Лосев 2017 – *Лосев А.Ф.* Диалектика в немецкой эстетике XVIII в. // Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Том II. Публикации / Под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 694–698 [Losev, Aleksei F., *The Dialectics in German aesthetics of the XVIII century* (in Russian)].

Лосев 2019 – *Лосев А.Ф.* Учение о стиле. М.; СПб.: Нестор-История, 2019 [Losev, Aleksei F., *The study of style* (in Russian)].

Лосев, Лосева 2005 – *Лосев А.Ф., Лосева В.М.* «Радость на веки»: Переписка лагерных времен / Сост., подгот. текста и коммент. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; предисл. А.А. Тахо-Годи; послесл. Е.А. Тахо-Годи М.: Русский путь, 2005 [Losev, Aleksei F., Loseva Valentina M., *“Joy forever”: The Correspondence of labor camp times* (in Russian)].

Мейер А.А. 1982 – *Мейер А.А.* Философские сочинения. Париж: La Presse Libre, 1982 [Meyer, Alexander A., *Philosophical works* (in Russian)].

Франк 1910 – *Франк С.Л.* Из этюдов о Гете. Гносеология Гете // Русская мысль. 1910. № 8. С. 73–99 [Frank, Semyon L., *From studies on Goethe. Goethe’s Gnosology* (in Russian)].

Ссылки – References in Russian

Доброхотов 2016^a – *Доброхотов А.Л.* Лосев и Гёте // Доброхотов А.Л. Философия культуры. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. С. 235–244.

Доброхотов 2016^b – *Доброхотов А.Л.* Эстетика XVIII века в очерке А.Ф. Лосева // Доброхотов А.Л. Телеология культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 336–339.

Доброхотов 2017 – *Доброхотов А.Л.* Рецепция немецкой классической эстетики в трудах и дискуссиях ГАХН // Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных

наук и эстетическая теория 1920-х гг. Том I. Исследования / Под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 113–142.

Искусство как язык 2017 – Искусство как язык – языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Том II. Публикации / Под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Тахо-Годи 1999 – *Тахо-Годи М.А. Лосевская концепция второй части «Фауста» Гёте // Образ мира – структура и целое / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Логос, 1999. С. 249–253.*

References

Dobrokhotov, Aleksandr L. (2011) “GAKhN: an aesthetics of ruins, or Aleksej Losev’s failed project”, *Studies in East European Thought*, Vol. 63, № 1 (2011), p. 31–42.

Dobrokhotov, Aleksandr L. (2016^a) “Losev and Goethe”, *Dobrokhotov, Alexander L. Philosophy of culture*, Izdatelskii dom Vysshey shkoly ekonomiki, Moscow, pp. 235–244 (in Russian).

Dobrokhotov, Aleksandr L. (2016^b) “The aesthetics of the XVIIIth century in A.F. Losev’s essay”, *Dobrokhotov, Alexander L., Teleology of culture*, Progress-Traditsiia, Moscow, pp. 336–339 (in Russian).

Dobrokhotov, Aleksandr L. (2017) “The reception of German classical aesthetics in the writings and discussions of GAKhN”, *Art as a language – the language of art. The State Academy of Arts and aesthetic theory of the 1920s, Vol. I: Studies*, ed. by Plotnikov, Nikolai S., Podzemskaja, Nadezhda P. with the participation of Yakimenko, Yulia N., *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, pp. 113–142 (in Russian).

Dobrokhotov, Aleksandr L. (2018) “‘Mystical Antinomism’. Losev’s Assessments and Interpretations of Goethe”, *Alexei F. Losev: On the Occasion of His 125 Birth Anniversary. Russian Studies in Philosophy*, Vol. 56, № 6 (2018). P. 467–476.

Art as a language – the language of art. The State Academy of Arts and aesthetic theory of the 1920s, Vol. II: Publications (2017) ed. by Plotnikov, Nikolai S., Podzemskaja, Nadezhda P. with the participation of Yakimenko Yulia N., *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow (in Russian).

Takho-Godi, Muminat A. (1999) “Losev’s concept of the second part of Goethe’s ‘Faust’”, *Image of the World – Structure and Whole*, ed. by Takho-Godi, Aza A., Logos, Moscow, pp. 249–253 (in Russian).

Сведения об авторе

ТАХО-ГОДИ Елена Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ; ведущий научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX – начала XX в. ИМЛИ РАН; заведующая отделом «Музей А.Ф. Лосева» Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева».

Author’s information

TAKHO-GODI Elena A. – DSc in Philology, Professor at the Department of History of Russian literature at MSU; Leading Research Fellow at the Department of the Russian the late XIX – early XX centuries literature at IWL RAS; Head of the Department “A.F. Losev Museum” at The Library “A.F. Losev House”.